

Кафедра

М. В. Строганов

Строганов Михаил Викторович (Москва, Россия) — доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего и славянского искусствознания Московского государственного университета дизайна и технологии (Институт славянской культуры); Email: mistro@rambler.ru.

РАФИНИРОВАННОЕ И ПРОСТОНАРОДНОЕ: РИЛЬКЕ И АНДРЕАС-САЛОМЕ В ГОСТЯХ У ДРОЖЖИНА

Увлечение Р. М. Рильке русской культурой рассмотрено в статье как одна из наиболее ярких реакций эпохи модернизма на кризис европейской цивилизации («Закат Европы») и авторского искусства как одной из ее форм. Совершившаяся на дальней дистанции идеализация малоизвестной культуры выражалась в культе вещей, характерном для массовой культуры, и в мифологизации реальных лиц (в частности, С. Д. Дрожжина). Личное знакомство демифологизировало вещи и лица, что осложняло восприятие иностранной культуры. Важную роль в этом процессе играли лица-посредники, каковой в случае с Рильке была Л. Андреас-Саломе.

Ключевые слова: С. Д. Дрожжин, Р. М. Рильке, Л. Андреас-Саломе, модернизм, русофильство, примитивизм, мифологизация.

M.V. Stroganov

Mikhail Viktorovich Stroganov (Moscow, Russia) — Doctor of Philological Sciences, Professor, Professor at the Department of General and Slavonic Art of Moscow State University of Design and Technology (Institute of Slavonic Culture); Email: mistro@rambler.ru.

REFINED AND FOLKSY: RILKE AND ANDREAS-SALOMÉ MEETING DROZHZHIN

The author considers R.M. Rilke's interest in Russian culture as one of the most dramatic reactions of the Modernism epoch to the crisis of European civilization ("The Decline of the West") and indie art as one of its forms. The distant idealization of a little-known culture expressed itself in the cult of things, typical for mass culture, and in the mythicization of real persons (particularly, of S.D. Drozhzhin). Personal knowledge demythicized things and persons thus complicating the understanding of a foreign culture. Mediators were very important in this process, and in the case of Rilke this role belonged to Lou Andreas-Salomé.

Keywords: S.D. Drozhzhin, R.M. Rilke, L. Andreas-Salomé, modernism, Russophilism, primitivism, mythicization.

Имя Райнера Мария Рильке известно в Германии всем, кто имеет образование и так или иначе связан с культурой. Имя Спиридона Дмитриевича Дрожжина в настоящее время практически неизвестно в России даже тем, кто имеет образование и связан с культурой. Оба поэта были современниками, но интерес к ним очевидно разный. Сопоставление Рильке с русскими поэтами Борисом Пастернаком и Мариной Цветаевой кажется вполне естественным: все три поэта отличались интеллектуализмом, их творчество вписывалось в модернистские пути развития литературы. Дрожжин же был выходцем из крестьянской среды, и творчество его лежало за пределами интеллектуальной литературы модернизма.

Между тем Рильке почему-то решил еще накануне своей второй поездки в Россию, что он должен непременно встретиться с Дрожжиным. Все, кто писал об этой встрече, пытались объяснить неожиданное сближение «поэта от сохи» и эстета-интеллектуала Рильке. Я не буду пересказывать

все интерпретации этого сближения, приведу лишь две альтернативные версии. Одну мы находим в журнале «Новое литературное обозрение»: «Можно только удивляться наивности немецкого поэта, с восторгом внимающего глубокомысленным откровениям стихотворца-крестьянина Спиридона Дрожжина, который настойчиво внушал своему сублильному и чересчур цивилизованному собеседнику азы своей простой сельскохозяйственной поэзии, устроенной по законам сельских ритмов и допустимой только в свободное от основной работы время» [10, с. 425]. А вот другая интерпретация: «Рильке часами беседовал с Дрожжиным о Боге, они бродили по болотам, по берегам Волги...» [9]. Один автор язвит, другой впадает в ложный пафос, но оба сочиняют. Мы еще увидим, что Дрожжин не «внушал», тем более «настойчиво», «своему сублильному и чересчур цивилизованному собеседнику азы своей простой сельскохозяйственной поэзии, устроенной по законам сельских ритмов и допустимой только в свободное от основной работы время». Мы еще увидим, что Рильке не мог «часами беседовать с Дрожжиным о Боге» и что вряд ли «они бродили по болотам, по берегам Волги». Но нам уже и сейчас ясно, что обе эти подмены вызваны тем, что авторы не смогли найти (и едва ли искали) рациональное объяснение такого влечения Рильке к Дрожжину. Поэтому наша задача состоит именно в том, чтобы удовлетворительно объяснить это неожиданное влечение. При этом мы должны учитывать, что инициатива сближения шла не от Дрожжина, но от Рильке, это было фактически не обоюдное сближение, а движение Рильке к Дрожжину.

Чтобы понять, чем Дрожжин так привлек Рильке, нужно заново прочитать очерк Дрожжина о Рильке [8]¹ и письма самого Рильке, в которых он говорит о Дрожжине, а также дневник немецкой писательницы Лу Андреас-Саломе, которая была спутницей Рильке в его русских путешествиях. Наибольший вклад в разработку этой темы внес К. М. Азадовский [1; 2; 13], за которым мы во многом идем и от которого мы отталкиваемся. Все авторы рассматривали проблему в историко-литературном или историко-искусствоведческом дискурсе, не обращая внимания на дискурс антропологический, или, как я сам предпочитаю говорить, человековедческий. В рамках антропологического дискурса литературное произведение осознается не как функция литературного направления, но как функция отдельного поэта определенного возраста, гендера, национальности. Приведем близкий пример. В рамках антропологического дискурса «Часослов» Рильке — это книга не импрессионизма и философской символики, но это книга молодого мужчины интеллектуальной западной цивилизации рубежа XIX–XX вв., который пытался найти новые пути искусства и жизни в простой и простодушной культуре, именно — в народно-крестьянской России. Вместе с тем эту книгу молодого мужчины (и так далее) можно поставить в ряд с другими типологически сходными явлениями. И мы специально взяли то противопоставление становящейся культуры и устоявшейся цивилизации, которое было разработано младшим современником Рильке — О. Шпенглером в «Закате Европы», потому что типологически Шпенглер и Рильке — это однородные явления.

Исходя из наших антропологических принципов, мы учитываем в первую очередь, что Дрожжин (1848 г. р.) был старше Рильке (1875 г. р.) на 27 лет, между ними лежало целое поколение. Точно так же между годом рождения Рильке, с одной стороны, и годами рождений Пастернака (1890) и Цветаевой (1892), с другой стороны, прошло тоже немало лет. Дрожжин был неизбежно старшим (учителем) по отношению к Рильке, как, напротив того, в отношениях с Цветаевой и Пастернаком учителем, метром был Рильке. И всё же между возрастной разницей в 15–17 лет и возрастной разницей в 27 лет отличие есть: первая допускает между людьми отношения старшего и младшего брата, а вторая — только отцовско-сыновьи отношения. Между старшими и младшими детьми одних родителей может возникнуть ревность, но она исходит из представлений о равенстве и ведет к соревновательности равных. В отношениях детей к родителям представления о равенстве нет, но желание стать как они оборачивается стремлением занять то единственное место, которым они владеют сей-

1. Сокращенный вариант: [6]; немецкий перевод: [22]. В библиотеке Дрожжина была книга Рильке «Mir zur Feier» (К торжеству моему, 1899), с надписью на авантитуле: «С. Д. Дрожжину к новому году 1901. На добрую память и сердечно Р. М. Рильке. Шмаргендорф–Берлин. Декабрь 1900». Кроме того, в Рукописном отделе Пушкинского Дома (ф. 101) хранится переданная туда самим Дрожжиным «большая рукопись в переплете стихотворений, написанных с 1889 по 1916 г. с воспоминаниями о германском поэте Райнер Рильке, посетившим меня в 1900 году» — так писал сам Дрожжин в своем дневнике [7, с. 287].

час (ситуация выравнивается, когда дети сами становятся родителями). А в отношении родителей к детям господствует любовь. В нашем же случае эта типовая ситуация осложняется индивидуальной ситуацией в семье Дрожжиных. Оба их сына умерли во младенчестве, были живы дочери. И вдруг появляется молодой немец, который в рот глядит, который всем твоим восторгается и переводит тебя на немецкий язык. Как тут было не впасть в родительскую сентиментальность? (Старческой ее не назовешь, так как Дрожжин совсем еще не был стар).

Но эти отношения Рильке и Дрожжина были существенно осложнены еще и тем, что в них очень важную роль играло третье лицо, именно — женщина. Мы уже назвали имя Лу Андреас-Саломе и теперь должны объяснить, почему ее материалы так важны для нашей темы. Она родилась в Петербурге, мать ее была немкой, а отец — генералом франко-немецкого происхождения на русской службе, поэтому в России она была наследницей чина и пенсии своего отца и называлась ее превосходительство Луиза Густавовна фон Саломе. Отец Саломе относился к той категории немцев на русской службе, которых звали *русский немец* [11, с. 531], что означает 'обрусевший немец' («Русский немец белокурый»). Такое название противоположно названию *немец русский*, которое имеет значение 'онемечившийся русский' («Царь наш — немец русский») [15, с. 256]. Эти понятия использовал А. И. Герцен в статье «Русские немцы и немецкие русские» (1859) [5, с. 148–189], обличая тех, кто видел в России не родину, а место наживы. Однако были и другие русские немцы, которые относились к России не как чуждой земле, которую надо воевать, а совершенно родственно, кровно. По крови и культуре они оставались чистыми немцами, но России служили искренне. Хотя ничего русского в Лу Саломе не было, но Россию она именovala своей родиной, а Фридрих Ницше называл ее «гениальной русской».

Саломе не объявляла себя сторонницей феминизма, но как личность развивалась именно в этом направлении. Возможно, с целью добиться личностной независимости она долгое время отвергала сексуальные отношения и строила совместную жизнь с влюбленными в нее мужчинами без секса: Пауль Ре, Фридрих Ницше, Фридрих Карл Андреас (муж), Райнер Мария Рильке. К этому же типу относится и ее более позднее общение с Зигмундом Фрейдом, который, впрочем, и сам не притязал на физическую близость. Когда романы Саломе приобретали сексуальный характер (тоже с не рядовыми мужчинами: Георг Ледебур, Франк Ведекинд), они становились очень короткими и интеллектуально непродуктивными.

Саломе как писательница, начиная с первого романа «В борьбе за Бога» (1885), писала о формировании женской личности: раннее взросление, подростковый период и превращение девочки в девушку и женщину [3]. Все произведения Саломе имеют автобиографический характер, при этом тема России соединяется в них с темой богоборчества и богоискательства. Хотя Саломе была немецкой писательницей и писала для немецкого (западноевропейского) читателя, но она нарочито манифестировала свою причастность ко всему, что происходило в России. Прямо или опосредованно Россия присутствует почти во всех ее книгах: в повестях «Руфь», «Феничка», «Родинка», в сборниках рассказов «Дети человеческие», «Переходный возраст» и «Час без Бога», в романе «Ма».

И вот с этой немецкой писательницей, откровенно репрезентировавшей свою русскость, Рильке познакомился в 1897 г. Ранний Рильке, как и многие его современники, тяжело переживал кризис европейской цивилизации («Закат Европы») и авторского искусства как одной из ее форм. Кризис европейской цивилизации — это общее ощущение его современников. Художественные поиски Рильке родственны творческим поискам Гогена, кубистов и примитивистов. Сам Рильке писал: «Мы утратили наивность. Но мы должны вернуть себя к примитивности, чтобы оказаться наравне с теми, кто носил ее в своем сердце» [13, с. 21].² До встречи с Саломе Рильке искал идеал простой жизни в Италии, которая отставала в экономическом развитии и была еще вполне патриархальной страной. Но Саломе, которой было почти 36 лет и которая привыкла и хотела играть ведущую роль,

2. Ср.: «Wir sind nicht mehr Naive; aber wir müssen uns befehlen, primitiv zu werden, damit wir bei jenen beginnen können, die es von Herzen waren» [27, с. 71]. Благодарю сотрудника Славянского семинара Фрайбургского университета им. Альберта-Людвига Константина Раппа, который не только проверил немецкие оригиналы текстов и отредактировал все переводы на русский язык, но и подсказал некоторые неизвестные мне материалы.

переориентировала 22-хлетнего поэта на Россию. Именно по ее инициативе в 1899 и 1900 гг. они посетили эту страну. Первую поездку они совершили втроем, вместе с Андреасом, второй раз они ездили вдвоем, без Андреаса, но именно вскоре после второй поездки Саломе оставила влюбленного в нее поэта.

Попав под влияние Саломе, Рильке непременно должен был заинтересоваться тем, что она писала о России и русских. В статье «Лев Толстой, наш современник» Саломе видит в отказе Толстого от литературного творчества две тенденции: «стремление к народному идеалу и примитивной жизни народа» и «европейски рафинированную образованность русских поэтов» [13, с. 23].³ Русский народ является идеалом примитивного народа потому, что, в отличие от народов цивилизованного Запада, он сохранил живую связь с Богом. Но христианство чуждо русскому народу, выработавшему «собственные, исконно русские идеалы». Поэтому Толстой и не является христианином (см. об этом: [13, с. 23—24]). Уничтожение и даже внешнее умаление в молитве оборачивается необычайным возвышением человека: «Перед маленькой часовней *Иверской* в Москве: коленапреклоненные в ней выше стоящих, и те, что кладут поклоны, выпрямляются до гигантской высоты; так бывает только в России» [13, с. 155];⁴ «Там, где поклоны не ритуал или культ, а лишь выражение могущества и кротости одновременно» [13, с. 155].⁵

Именно под влиянием Саломе Рильке назвал в заметке «Русское искусство» (1901) Россию «страной будущего», а русский народ — «народом-художником»: «Если говорить о народах как о людях, постигаемых в процессе их становления, то можно сказать: этот народ будет солдатом, тот — купцом, третий — ученым; русский же народ будет художником, и отсюда следует, что лучшие из его творческих умов чувствуют себя призванными быть его воспитателями» [13, с. 608];⁶ «Мы имеем здесь дело с доджоттовским народом, весь опыт которого религиозен и настолько глубок, что позволяет нам в потемневших византийских иконах постичь красоту, какой никогда не было в этих ремесленных копиях, выполненных греческими монахами с Афона. В рамках этих картин осуществляется — смирением людей, молящихся перед ними, — то, что в высшем смысле можно сказать способному чувствовать о любом произведении искусства: оно всего лишь возможность, пространство, в котором созерцатель должен воссоздать уже ранее созданное художником. Глядя в темноту икон, народ заселяет их бесчисленными богоматерями, и творческая его жажда вновь и вновь оживляет пустые овалы нежными ликами» [13, с. 608].⁷

Задумав в 1898 г. поездку в Россию, Саломе и Рильке хотели посетить Льва Толстого. Саломе вспоминала, что «его образ был для нас в известном смысле воротами в Россию: ведь если Досто-

3. Ср.: «Was Puschkin da tat, wenn er des Abends andächtig still saß und den schlichten Geschichten der Wärterin seiner Kindheit lauschte, um glücklich über ihnen alles zu vergessen, was ‚Europas übertünchte Höflichkeit‘ ihn gelehrt hatte, — genau dasselbe hat seit ihm die ganze russische Dichtung getan, indem ihre Vertreter von der westeuropäischen Kulturhöhe, zu der sie erzogen waren und auf der sie größtenteils lebten, mit allen Träumen und aller Sehnsucht ihrer Poesie niederstiegen zum russischen Volk. Je größer gerade in Russland der Abstand zwischen einem noch fast ganz unkultivierten, ungeheuer breiten Volkstum und den verhältnismäßig Wenigen der Hochgebildeten und in raffinierter Geisteskultur Lebenden, desto bedeutungsvoller ist diese Tatsache» [19, с. 1147]. Перевод К. М. Азадовского («стремление к славянофильскому идеалу и примитивной жизни народа» и «рафинированная утонченность современной души») неточен.

4. Ср.: «Vor der kleinen Kapelle der *Иверская* in Moskau: dort sind die Knieenden größer als die, welche stehen, und die sich verneigen, richten sich riesig auf: so ist es in Rußland» [28, с. 102].

5. Ср.: «Irgendwo, wo Sich-Verneigen nicht Gottesdienst ist und nicht Cultus... sondern eine Gebärde der Macht und der Milde zugleich» [28, с. 103].

6. Ср.: «Wenn man von Völkern wie von Menschen spricht, die in der Entwicklung begriffen sind, so kann man sagen: dieses Volk will Soldat werden, ein anderes Kaufmann, ein drittes Gelehrter; nun, das russische Volk will Künstler werden, und daher kommt es, daß gerade die Besten von seinen Schaffenden sich zu seinen Erziehern berufen fühlen» [25, с. 495].

7. Ср.: «Wir haben es hier mit einem vorgiottesken olke zu tun, dessen alle Erlebnisse religiöser Natur sind und so stark, daß sie uns in verdunkelten byzantinischen Bildern eine Schönheit erkennen lassen, welche diese handwerksmäßigen Kopien griechischer Mönche vom Athos niemals besaßen. Was im höchsten Sinne von jedem Kunstwerke gilt, dem Fühlenden gegenüber: daß es nur eine Möglichkeit ist, der Raum, in welchem der Schauende wiederschaffen muß, was der Künstler zuerst geschaffen hat, das erfüllt sich im Rahmen dieser Bilder durch die Frömmigkeit derjenigen, die davor beten. Unzählige Madonnen schaut das Volk in die hohlen Ikone hinein, und seine schöpferische Sehnsucht belebt beständig mit milden Gesichtern die leeren Ovale» [25, с. 495–496].

евский уже раньше открыл Райнеру глубины человеческой души в русских людях, всё же именно Толстой оказался для нас воплощением русского человека как такового — благодаря той проникновенной поэтической мощи, которая свойственна всем его произведениям» [1, с. 290]⁸.

Во время первого путешествия в Россию с 25 апреля по середину июня 1899 г. Саломе, Рильке и Андреас побывали в Москве, где посетили Л. Н. Толстого в Хамовниках, но основное время провели в Петербурге у родственников Саломе. Нестоличной России они в этот раз не видели. С осени 1899 г. до второй поездки в Россию Рильке живет в окружении вывезенных из России реликвий: ларцы, кресты, иконы, носит «синюю русскую рубашку с красным узором». Рильке помогал Саломе готовить обед, «особенно если ожидалось одно из его любимых блюд: русская каша в горшочке или же борщ» [13, с. 45]⁹. Он хотел создать «благочестивый русский уголок» (письмо Е. М. Ворониной от 17 сентября 1899 г.) [13, с. 165]¹⁰, своеобразную «келью», которую он спроектировал в стихотворениях «Часослова» (ср.: 13, с. 44). Но эта тяга к вещному миру граничила с самым обычным китчем, а «святы» реликвии оборачивались пошлыми сувенирами. Сам Рильке называл свои реликвии предметами поклонения, а «образами и названиями» (ср.: 13, с. 35). Но если икона в доме не является предметом поклонения, если она не образ Бога, то совершенно очевидно, что она превращается в предмет китча, «образ и название».

Рильке видит в России то, что хочет увидеть: смиренную и набожную восточную страну, не похожую на «бездуховный» Запад. Так, Рильке пишет из Петербурга: «Я уже три недели в России. Я слышал пасхальные колокола в Москве, а теперь переживаю начало весны в блеске березовых рощ и плеске широкой Невы. Испытываешь необычное ощущение, находясь ежедневно среди этого народа, который полон смирения и набожности, и я глубоко радуюсь этому новому опыту» (письмо Фр. фон Ревентлов от 20 мая 1899 г.) [13, с. 32]¹¹. Рильке не видит и не хочет видеть социальное неравенство русского общества, униженность и бесправие социальных низов, их культурную отсталость. Нищету и невежество русского народа он оценивает как знак духовной «избранности» русских. Поэтому эпитет *темный* становится у него положительным атрибутом иррационально, «душой» постигаемого русского Бога, а эпитет *светлый* — отрицательным признаком умопостигаемого, рационального Бога Запада (см. об этом: [1]). Бог Запада уже пришел однажды на землю и — умер; русский Бог еще только должен прийти. Впрочем, этот русский Бог не имеет отношения к православию как конфессии, он просто элемент поэтического мира Рильке.

Рильке называет русского Бога, который должен явить себя миру коллективным усилием «народа-художника», — зреющим, становящимся: «Трудно выразить, сколько молодости в этой стране и сколько будущего» (письмо к Гуго Салюсу от 7 мая 1899 г.) [13, с. 33]¹². И еще: «Уже пять недель, как я нахожусь в России, словно на родине моих самых неуловимых желаний и неясных мыслей. И уже в Москве я сразу заметил: вот она, страна незавершенного Бога, где из каждого людского жеста струится, как бесконечная благодать, теплота Его созревания» (письмо к Э. Фактору от 3 июня 1899 г.) [1, с. 294–295; 14, с. 34]¹³.

8. Ср.: «Obgleich wir nicht zuallererst Tula und Tolstoj aufsuchten, bildete doch seine Gestalt gewissermaßen das Eingangstor zu Rußland für uns. Denn wenn's auch bereits früher Dostojewskij gewesen war, der Rainer die Tiefen menschlicher Seele an Russen erschlossen, so wurde es doch Tolstoj, der ihm gleichsam den Russen als solchen verkörperte — infolge der Gewalt seiner dichterischen Eindringlichkeit in allen Schilderungen» [18, с. 117].

9. Ср.: «...in seinem blauen Russenhemd mit rotem Achselanschluß <...> In der kleinen Wohnung, wo die Küche den einzigen wohnzimmerlichen Raum außer meines Mannes Bibliothek darstellte, assistierte Rainer mir nicht selten beim Kochen, insbesondere wenn es sein Leibgericht, russische Topfgrütze, oder auch Borschtsch gab...» [18, с. 116].

10. Ср.: «fromme russische Ecke» [28, с. 110].

11. Ср.: «Ich bin seit drei Wochen in Rußland, habe die Osterglocken in Moskau gehört und empfinde den ersten Frühling aus dem Blinken der Birkenhaine und dem Rauschen der breiten Nawa. Es ist ein tägliches seltsames Erleben unter diesem Volke voll Ehrfurcht und Frömmigkeit, und ich freue mich tief dieser neuen Erfahrung» [23, 15].

12. Ср.: «Man kann es schwer sagen, wie neu dieses Land ist, wie zukünftig» [23, с. 12].

13. Ср.: «Ich bin seit fünf Wochen in Russland und wie in der Heimat meiner leisesten Wünsche und meiner dunkelsten Gedanken. In Moskau merkte ich es zuerst: Dieses ist das Land des unvollendeten Gottes, und aus allen Gebärden des Volkes strömt die Wärme seines Werdens wie ein unendlicher Segen aus» [28, с. 24].

Рильке умиляется Россией, как это обычно делают иностранцы до тех пор, пока не увидят угрозы с Востока, от русского медведя. Россия для Рильке — это «последний укромнейший уголок в сердце Господа, все его прекраснейшие сокровища — там» (письмо к Е. М. Ворониной от 9 июня 1899 г.) [13, с. 146]¹⁴. Гоген искал этический и эстетический идеал, отличный от усложненного Запада, на Таити, Ван Гог — в искусстве Китая и Японии; Пикассо с той же целью изучал Африку. Деятели культуры, родившимся в славянской Праге, не надо было ехать или умственно отправляться так далеко. Этический и эстетический идеалы они обретали не на расстоянии, а в непосредственной близости: Альфонс Муха нашел простоту жизни в «праславянской» женщине; Рильке (под влиянием Саломе) — в России.

Второе путешествие в Россию отличалось от первого по времени, так как было гораздо более длительным. Оно отличалось и по содержанию, так как путешественники посетили не только столичную, но и провинциальную (причем очень разную) Россию. В начале мая 1900 г. Рильке и Саломе приехали в Москву. Вместе с Л. О. и Б. Л. Пастернаками они проехали через Ясную Поляну, о чем Б. Пастернак написал в «Охранной грамоте». Потом их путь лежал через Тулу, Киев, Кременчуг, Полтаву, Харьков, Воронеж, Козлов (Мичуринск) — по преимуществу, железная дорога. Потом по Волге через Саратов, Самару, Симбирск, Казань, Нижний Новгород, Ярославль, через село Кресто-Богородское Ярославской губернии (ныне в черте города Ярославля) они вернулись в Москву. Спустя полторы недели Рильке и Саломе посетили Низовку и Новинки. Оттуда они отправились в Новгород Великий и Петербург. В конце июля Саломе поехала к родственникам в Финляндию, а Рильке ждал ее в Петербурге. Покинули они Россию 22 августа.

Нас естественно интересуют Низовка и Новинки. Саломе и Рильке совершили только два литературных паломничества: к Л. Толстому и к С. Дрожжину, и оба эти посещения предусматривались при составлении маршрута путешествия. С конца декабря 1899-го по февраль 1900 г. Рильке и Саломе часто встречаются с Софьей Николаевной Шиль (1863–1928), писательницей и преподавательницей московских Пречистенских курсов (для народа), поскольку она помогала им в занятиях русским языком и литературой. В письме к Шиль от 2 июня 1900 г. Рильке сообщает свои суждения о России, о Толстом (см.: [13, с. 234–239]). Весной 1900 г. С. Н. Шиль дарит Рильке стихотворные сборники Дрожжина, и Рильке сразу почувствовал интерес к его стихам и биографии. Крестьянин, живет в глухой деревне, пашет землю, пишет стихи — всё это полностью соответствовало представлениям Рильке о русском человеке. В письме к Шиль от 10 апреля 1900 г. Рильке писал: «Я рад, что Дрожжин знает о моем приезде. В воскресном номере „Прагер Тагеблатт“ будут напечатаны в моем переводе два его стихотворения, которые я Вам недавно посылал. К Дрожжину мы заедем, вероятно, позднее, в июне месяце, на обратном пути; ведь в это время в деревне особенно хорошо. Не думайте, что есть хоть одна деревня в России, которая могла бы, как бы жалка она ни была, изменить мой взгляд на Россию и мое чувство к ней. Мне кажется: количество грязи одинаково повсюду, и если она не на виду, — как в нашей культуре, — то, значит, она проникла в область духовной жизни, что еще хуже!» [13, с. 211]¹⁵. Рильке опубликовал переводы двух стихотворений Дрожжина «Прими меня, сторонунка родная... / So nimm mich auf, du gute Heimatgend...» и «В родной деревне / Im Heimatdorf» и под общим заголовком «В родной деревне» в немецкой газете «Prager Tageblatt» (Прага, апрель 1900; см.: [28, с. 432]).

Человек, для которого русский язык не является родным, достаточно легко воспринимает стихи Дрожжина, поскольку автологический язык их более понятен для иностранца, чем образный

14. Ср.: «Es ist die letzte, heimlichste Stube im Herzen Gottes. Seine schönsten Schätze sind darin. Und sie liegen nicht verstaubt und müßig herum — sie sind alle in Gebrauch jener tiefen Frömmigkeit, aus welcher heraus Wunder und Werke kamen seit Anbeginn» [28, с. 98].

15. Ср.: «Es freut mich, daß С. Дрожжин schon von mir weiß. Die beiden übersetzten Gedichte, welche ich Ihnen neulich geschickt habe, werden in der Osterfestnummer das ‚Prager Tagblatt‘ gedruckt. Zu Дрожжин werden wir wohl erst spät, im Juni etwa, auf der Rückreise kommen; in dieser Zeit ist es ja aber auch schöner auf dem Dorfe. Denken Sie nicht, daß es ein russisches Dorf gibt, elend genug, um meine Meinung und Empfindung zu Rußland umzustürzen; ich denke mir: überall ist dasselbe Quantum Schmutz, und wo man es (wie in unserer Kultur) nicht mehr sieht, da hat es sich eben auf das geistige Gebiet zurückgezogen — um so schlimmer!» [28, с. 147–148].

строй интеллектуальных поэтов. И это обязательно нужно учитывать, чтобы не придавать тому увлечению, которое пережил Рильке стихами Дрожжина, излишнего интеллектуального значения. Рильке учил русский язык. Учат всегда на простом. Профессор университета Фрайбурга им. Альберта-Людвига Элизабет Шорэ¹⁶ в личной беседе со мной сказала о стихах Дрожжина, что они очень хороши, и в ответ на мое удивление заметила: разумеется, для не русского читателя. Профессор Э. Шорэ абсолютно права. Немецкий поэт не мог понять ни Пушкина, ни Тютчева, ни тем более Пастернака и Цветаеву в той мере, в какой он мог понять Дрожжина. Именно Дрожжин открыл для Рильке мир русского словесного творчества. В руки Рильке попал поэт, которого он сам, оказывается, мог читать. Легко представить то удовлетворение, которое пережил Рильке, когда, ознакомившись со стихами Дрожжина, он понял, что достаточно владеет русским языком: читает — и понимает! Это удовлетворение естественным образом переносилось на самого автора стихов, который становится милым и близким.

Но увлечение Рильке стихами Дрожжина свершается на фоне его увлечения фольклором и этнографией России вообще. В стихах Дрожжина Рильке увидел «движение танцующих групп и дрожь балалайки» и связал поэзию Дрожжина с «временем былин и песен» (письма Рильке к Шиль от 23 февраля и 5 марта 1900 г.) [13, с. 182, 193]. В 1900 г. по поводу книги Ницше «Рождение трагедии из духа музыки» Рильке писал: «Разве не дионисийская стихия движет русским хороводом? В то время как сидящие своим пением воскрешают, тяжело и весомо, былинные образы, врывается, смеялая любые преграды, вал песен, который влечет и поглощает кружащихся в кольце хоровода» [13, с. 47–48]¹⁷. Трактовка русского хоровода как обряда-оргии, таинства, в котором человек общается со своим Богом, была оригинальной, но в целом Рильке (а также и Саломе) идет вслед за Ницше.

Путешествуя в 1900 г. по России, Рильке и Саломе постепенно впадают в экстатическое состояние. Уже в селе Кресто-Богородское они находят свой идеал «естественной жизни». Рильке писал матери 6 июля 1900 г.: «Я провел три дня в маленькой избе, живя как крестьянин среди крестьян. Я спал без постели и делил с хозяевами скудную пищу, для которой они лишь изредка находили время в часы своей тяжелой работы. Погода стояла хорошая, что придавало примитивному образу жизни особую прелесть, а материальная скудость вполне отвечала моим незначительным запросам» [13, с. 61]¹⁸. Саломе подробно описывает хозяйку деревенского дома, у которой они жили несколько дней. Общение с этой деревенской женщиной окончательно утвердило Рильке и Саломе в том, что русский человек, в отличие от западных людей, не утратил теплоты человеческих отношений. Всё, что ни говорила эта крестьянка, наполняло Саломе умилением и радостью: «Я не устаю слушать ее рассказы» [13, с. 264]¹⁹. Русская баба, всегда отличавшаяся добротой к гостям, видимо, давно уже почувствовала, что больше всего волнует ее гостей. Поэтому, прощаясь с ними, она произнесла фразу, которая стала для обоих драгоценным подарком: «Ты тоже простой народ» [13, с. 265]²⁰. Хозяйка не льстила своим немецким гостям, не лицемерила. Но если им так хотелось числиться «простым народом», то почему бы не сказать им приятное?

И вот на фоне этого совершенно экстатического состояния, получив от «простого народа» диплом на звание «простого народа», Рильке и Саломе в этом качестве и приехали 5 июля в деревню Низовку, где жил Дрожжин. Рильке в дневнике записал: «На Волге, на этом спокойно катящемся море быть дни и ночи, много дней и ночей. Широкий-широкий поток, высокий-высокий лес на

16. Статья написана на основе доклада, который был прочитан мною во Фрайбургском университете им. Альберта-Людвига по любезному предложению профессора Э. Шорэ в декабре 2015 г. Ей и ее коллегам, участвовавшим в обсуждении этой работы, я приношу свою искреннюю благодарность.

17. Ср.: «Sollte das dionysische Element nicht in dem Chorowod der Russen noch das bewegende sein? Während die Sänge der Sitzenden — Gestalten aus den Bylinen schwer und körperhaft hinstellen, brechen alle Grenzen ein vor dem Ansturm jener flutenden Lieder, die die Ringe der Reigenden treiben und verschlingen» [26, с. 1175].

18. Ср.: «In einer kleinen Hütte, Bauer unter Bauern, habe ich 3 Tage gelebt, ohne Bett geschlafen und die kargen Mahlzeiten geteilt, die meine Wirte in ihre schwere Arbeitszeit da und dort einschoben. Da das Wetter gut war, hatte das primitive Wohnen viele Schönheit und die Kargheit des materiellen Lebens entsprach meinen geringen Ansprüchen» [21, с. 6].

19. Ср.: «Ich konnte nicht müde werden, sie reden zu hören» [20, с. 86].

20. Ср.: «...Du auch bist das einfache Volk» [20, с. 88]. Ср.: [14, с. 61].

одном берегу, и низкая луговая равнина на другом, и большие города там не выше хижин или шалашей. <...> Я словно воочию видел сотворение мира; смысл всего — в немногих словах, мера вещей — в руках Создателя» [13, с. 499]²¹. Это чистой воды миф: назвать Волгу в Низовке морем до постройки Иваньковского водохранилища было невозможно: река была покрыта мелями и островами, которые сильно мешали пароходству, почему и было создано это водохранилище. Даже слова: «большие города там не выше хижин или шалашей» — едва ли похожи на правду, так как Дрожжин приехал из Москвы и по дороге до станции Завидово не проехал ни одного города. Москва же и даже Тверь были, как известно, «выше хижин или шалашей».

И как Волга, так и Дрожжин в восприятии Рильке становится мифом. Но к этой мифологизации подталкивал, как можно думать, и сам Дрожжин, который так вспоминал о немецких гостях: «Дорогой я обратился к Луизе Густавовне с вопросом: „Как нравится вам моя родина?“ — „Так у вас здесь хорошо, — отвечала она, — что, если бы возможно было, я навсегда осталась бы жить в вашей деревне“» [8, с. 31]. Саломе не льстила Дрожжину, она отвечала ему так же, как ей — крестьянка в Кресто-Богородском. Если уж Дрожжину так хотелось услышать добрые слова о своей родине, то почему бы не сделать ему приятное?

В Низовке Рильке и Саломе познакомились с семьей Дрожжина, слушали его стихи, гуляли, любовались волжским пейзажем: «...затем я повел их в мой садик, и отсюда мы пошли пахотными и засеянными полями на Волгу, где долго они стояли и любовались открывшейся со всех сторон картиной моей родины. Возвращаясь, мы нарвали в заливном лугу по букету полевых цветов <...> по дороге Райнер Осипович попросил меня показать ему, на чем растет клюква. Тогда привел я их к болоту и указал на куст с этим растением; осмотрев его, Рильке сорвал несколько веток и вложил их в свою памятную книжку» [8, с. 31]. Русское болото и русская клюква всегда вызывают интерес иностранцев. Саломе пишет: «Мы пошли с Дрожжиным в лес, местами заболоченный, непроходимые болота, с гигантскими деревьями, где в начале зимы буйствовал страшный ураган. Среди множества ягод мы нашли орхидеи и клюкву — я впервые в жизни видела, как она растет» [13, с. 278]²². Примечательно различие показаний хозяина и его гости. Для Дрожжина соседнее болото — обычное и небольшое, а оно и не могло быть большим рядом с деревней и вблизи главного в стране шоссе из Москвы в Петербург: «Тогда привел я их к болоту и указал на куст с этим растением». Для Саломе то же самое болото кажется страшным: «Мы пошли... в лес, местами заболоченный, непроходимые болота с гигантскими деревьями, где в начале зимы буйствовал страшный ураган». Развесистой клюквы, правда, не будет. Но Саломе и Рильке всё время идут по самому краюшку китча.

В повседневной жизни крестьян Низовки Саломе отмечает ряд новых для нее бытовых деталей: «То соседствуешь с животными в хлеву, занимающем по крайней мере половину избы, то лежишь на сене, то идешь по равнине с ее широкими полями, лугами, заросшими высокой травой, дремучими лесами и берегом Волги, которая здесь сужается и течет неслышно» [13, с. 277]²³. (Вот, кстати, тебе и море!) Читаешь эти воспоминания, и кажется, что Рильке и Саломе прожили в Низовке месяц, или полмесяца, или хотя бы неделю. Но на самом деле они были в Низовке очень небольшой срок. Они приехали в Низовку 5 (18) июля в два часа дня; провели в ней целиком 6 (19) и 7 (20) июля, во второй половине 8 (21) июля отправились в гости в Новинки, где с радостью приняли приглашение заноче-

21. Ср.: «Auf der Wolga, diesem ruhig rollenden Meer, Tage zu sein und Nächte, viele Tage und viele Nächte; ein breit — breiter Strom, hoher, hoher Wald an dem einen Ufer, an der anderen Seite tiefes Heide-land, darin auch große Städte nur wie Hütten und Zelte stehen. Man lernt alle Dimensionen um sich herum. Man erfährt: Land ist groß, Wasser ist etwas Großes, und groß vor allem ist der Himmel. Was ich bisher sah, war nur ein Bild von Land und Fluß und Welt. Hier aber ist alles selbst. — Mir ist, als hätte ich der Schöpfung zugesehen; wenige Worte für alles Sein, die Dinge in den Maßen Gottvaters...» [23, с. 42–43].

22. Ср.: «In den Wald gingen wir mit Дрож.<жин> am 2ten Tag, wo das Wetter herrlich wurde; er ist sumpfig stellenweise, „непроходимые болота“, — mit riesigem Baumwuchs, in welchem Anfang des Winters ein furchtbarer Orkan gewüthet hat. Wir fanden neben, vielen [!] Beeren, Orchideen und клюква (Kljukwa, Moosbeere), die ich zum ersten Mal im Leben wachsen sah. Sie hat ein der Myrthe ähnliches Laub» [20, с. 107–108].

23. Ср.: «Man ist in der изба (Isba), Nachbar den Thieren im Stall, der ihre Mitte gewissermaßen einnimmt, man liegt im Heu, oder durchstreift die Ebene mit ihren weiten Feldern, hochhalmigen Wiesen, den großen Wäldern und dem Strand an der schmal und still gewordenen Wolga» [20, с. 106].

вать. На следующее утро 9 (22) июля немецкие гости фотографировались в Новинках, и не раньше чем к обеду вернулись в Низовку (а возможно, и позднее, поскольку совершенно неизвестно, чем была занята эта часть дня). А 10 (23) июля они уже уехали (то ли из Низовки, то ли из Новинки) в Завидово на железную дорогу. То есть в самой Низовке Рильке и Саломе были три дня с небольшим.

Менее восторженная, чем Рильке, Саломе была поэтому более наблюдательна, хотя и не уступала ему по части мифотворчества. Она восхищенно пишет о «глубокой тишине», которой окружена жизнь русской деревни, о «несказанном достоинстве» русских крестьян: «Как трогательны и обаятельны эти люди в своей простоте и силе» [13, с. 277]²⁴. Но главная их добродетель — это покорность: «...тяжелая жизнь выливается в какое-то молитвенное смирение» [13, с. 279]²⁵. Саломе видит в личности Дрожжина единство труда и поэзии: «Крестьянский быт жителя русской деревни можно изучать в избе этого поэта, который сам — крестьянин» [13, с. 277]²⁶.

Читая эти строки о Дрожжине, мне всё время хочется напомнить стихи Маяковского из поэмы «Хорошо!»: я думаю, что Маяковский метил именно в Дрожжина, когда писал:

За городом —
поле.
В полях
деревеньки.
В деревнях —
крестьяне.
Бороды
веники.
Сидят
папаши.
Каждый
хитр.
Землю попашет,
Попишет
стихи [12, с. 328].

С детства оторванный от дома и крестьянского труда, Дрожжин очень хотел вернуться и несколько раз возвращался в Низовку, но каждый раз вынужден был вновь уезжать на заработки. Он смог вернуться и поселиться в Низовке только тогда, когда получил постоянную императорскую пенсию за свое литературное творчество — ежегодные сто рублей. Стихи вернули его к крестьянской жизни. Дрожжин репрезентировал себя как поэта-крестьянина и издавал книги, на обложках которых так себя и называл. Но крестьянским трудом он фактически не занимался: сначала не получалось, а потом стихи стали кормить лучше, чем соха. Это не плохо и не хорошо. Это факт, который необходимо учитывать, чтобы не впасть ни в ложную сентиментальность, ни в ложное осуждение. Дрожжин, конечно, никого не обманывал. Но он не только жил, но сознательно моделировал определенный образ, создавал образ своей жизни в сознании читателей.

Вернемся, однако, к нашим героям. Взгляды Рильке полностью совпадали с взглядами Саломе (ср.: [13, с. 63]). Вот что он писал Софье Шиль 20 июля: «Дорогая и уважаемая София Николаевна, мы уже заранее радовались Вашему письму, которое должно было ожидать нас здесь у Спиридона Дим<итриевича>. <...>

Сейчас мы находимся в деревне Низовка у любезного Спиридона Дим<итриевича> и, наслаждаясь его щедрым гостеприимством, чувствуем себя превосходно. <...> За эти дни мы сделали боль-

24. Ср.: «Reizend und rührend sind diese Menschen in ihrer Schlichtheit und Kraft» [20, с. 106].

25. Ср.: «...das schwere Leben klingt sich aus in einer hymnenhaften Ergebung» [20, с. 109]. Ср.: [14, с. 63].

26. Ср.: «Das Bauernleben des russischen Dörfers lernt man kennen in der изба (Isba) dieses Poeten der selbst nur ein Bauer ist» [20, с. 106].

шой шаг к сердцу России, в биение которого уже давно вслушиваемся, предчувствуя в его ритме те самые доли, которые необходимы и для нашей жизни» [13, с. 274]²⁷.

Поначалу Рильке и Саломе считали, что нашли в Дрожжине заветный образ народа-художника. Но за три с небольшим дня выяснилось, что истинными носителями и гораздо более убедительными примерами гармонии и простоты жизни были жена и мать Дрожжина. О жене поэта Марии Афанасьевне (1855–1920) Саломе пишет: «...жизнь мужика, воспетая в его песнях, звучит совсем иначе в ее устах, когда она просто рассказывает о том, что пришлось пережить. Он до сих пор радуется цветам или сенокосу, потому что возбуждается аппетит, — она же работает от зари до зари, ничего не может есть от усталости, во время работы утоляет жажду болотной водой и страдает от позывов рвоты, потому что ее дыхательные пути забиты пылинками сухого сена» [13, с. 277]²⁸. А потом о матери поэта Аграфене Васильевне Дрожжиной (1828?–1912): «Мы навестили его мать, семидесятилетнюю крестьянку, которой на вид — лет пятьдесят пять; рот полон зубов, волосы светлые, не поседевшие, щеки в морщинках; когда смотришь на нее со спины, кажется, что это молодая женщина, идущая упругой походкой. Она всё произносит с какой-то патетической нежностью и почти на библейский лад» [13, с. 277]²⁹.

На фоне матери и особенно жены поэт-крестьянин Дрожжин становится просто поэтом и ореол вокруг его чела меркнет. Вроде бы всё понятно: приехали гости, и кто-то должен ими заниматься. А поскольку приехали писатели, то и занимается ими писатель. Но пора стоит летняя, надо сено косить и стоговать. Мария Афанасьевна идет на работу, а Спиридон Дмитриевич с гостями собирает букеты полевых цветов. Вернувшись с поля, Мария Афанасьевна готовит гостям и мужу жаркое из грибов. Дрожжин, конечно, не сидел на шее у своей жены и работал как все крестьяне. Но взгляд Саломе сдвигается с простоты крестьянства на приукрашенную поэзию. И отношение к Дрожжину поневоле становится более трезвым.

Это было первая ступень разочарования. Вторая ступень была достигнута 8 июля, когда Дрожжин познакомил своих гостей с владельцем соседней усадьбы Новинки Николаем Алексеевичем Толстым. Рильке писал матери 25 июля 1900 г., что семья Толстых «является исконно русской, очень консервативной и глубоко религиозной, так что все события в этой семье связаны с какими-нибудь чудесами, таинственными молитвами и тихим их осуществлением» [13, с. 63]³⁰. Было ли так на самом деле — для нас сейчас не важно. Главное, что все эти черты соответствовали представлениям Рильке и Саломе о русской жизни и потому приводили их в восторг (ср.: [13, с. 63]). И вполне естественно, что после знакомства с Толстыми Дрожжин еще больше теряет свое очарование. А когда Толстые пригласили Саломе и Рильке переночевать в их доме, немецкие гости, которым уже, видимо, надоело «соседствовать с животными в хлеву», с радостью приняли это предложение. И Рильке писал: «Дрожжин привез меня к помещикам той же губернии, которые встретили меня столь

27. Цитируется перевод из: [5, с. 233–234]. Ср.: «Liebe verehrte Sofia Nikolajewna, wir haben uns schon sehr einem Brief von Ihnen entgegengefreut, der uns hier bei Spiridon Dim. erwarten würde. <...>

Jetzt sind wir bei dem lieben Spiridon Dim. im Dorfe Nisofka und fühlen uns in seiner großen Gastfreundschaft sehr wohl. Wie dankbar sind wir Ihnen für diese Vermittlung! Mit diesen Tagen tun wir einen großen Schritt auf das Herz Russlands zu, nach dessen Schlägen wir schon lange hinhorchten im Gefühl, daß dort die richtigen Taktmaße sind auch für unser Leben» [23, с. 36–37].

28. Ср.: «...nicht ganz so singt das Leben des мужик (*Mushik, Bauer*) in seinen Liedern, wie es von ihren Lippen in schlichter Wiedergabe des Erlebten sich anhört. Er hat noch Freude an den Blumen, — am Heuen, weil es Appetit weckt, — sie arbeitet von Nacht bis in die Nacht, ißt in ihrer Uebermüdung nicht mehr, trinkt im rasenden Durst bei der Arbeit Moorwasser, und leidet an Brechreiz wenn die Stäubchen des trockenen Heus ihr die Luftröhre füllen» [20, с. 106].

29. Ср.: «Wir haben seine Mutter besucht, eine 70jährige Bäuerin, die aussieht wie 55; den Mund voller Zähne, das Haar ungebleicht blond, die Wangen voll Grübchen; wenn man sie von rückwärts sieht, denkt man ein junges Weib elastischen Schrittes schreiten zu sehn. Gerade wie die Makarowa spricht sie alles in einer Art von pathetischer Zärtlichkeit und fast biblisch» [20, с. 107].

30. Ср.: «Was die Annehmlichkeit dieses Aufenthaltes so wertvoll machte, war, daß dieser Zweig der Tolstois, echt russisch, sehr konservativ und so tiefgläubig ist, daß alle Ereignisse der Familie mit irgendwelchen Wundern, geheimnisvollen Gebeten und ihren leisen Erfüllungen verknüpft sind; Und vier Tage lang hat mir Natalia Alexejewna Tolstoi (die Mutter) von den seltsamen Zusammenhängen in ihrem Leben und im Leben ihrer Vorfahren erzählt» [21, с. 9].

ласково, что уже вечером я переселился из избы в хоромы, где с благодарностью наслаждался всеми удобствами прекрасного дома и пышного парка» [13, 285]³¹. Это сказано эгоистично, но так искренне и непосредственно, что сердиться на Рильке не приходит в голову. Ну, на самом деле надоело ему соседствовать с коровами в хлеву. И привычному крестьянину-то надоест, а тут не привыкший к такой жизни европеец. Так закончилась история опрощения Рильке и Саломе: побыли «простым народом» два дня, и хватит.

То небольшое время, которые Рильке и Саломе провели в доме Толстых (как мы уже видели, вечер 8-го, первая половина 9-го и потом некоторое время 10-го июля) формирует у Саломе новую иерархию ценностей: «...знакомство с этим восхитительным типом русской помещицкой жизни означало, что наше путешествие неожиданно поднялось на новую ступень. Сам Дрожжин как-то поблек в связи с этим. Что удивительно: в самом начале, как только мы приехали, он показался нам идеалом крестьянина и могучей личностью, соединяющей в себе поэзию и правду повседневной жизни; затем, с появлением его жены, всё немного изменилось, окрасившись впечатлением трогательности и несамостоятельности; но это повредило лишь восприятию его стихов: они показались нам теперь не полноценным выражением русской деревенской жизни, а лишь поэтическим ее толкованием. Этот легкий оттенок поэтического отступления от истины, звучавший поначалу приятно и тонко, сделался почти резким и неприятным, почти смешным при соприкосновении поэта-крестьянина с глубоко образованными, своеобразными Толстыми, таящими в себе огромную цельность. Дрожжин неуверен в себе, приходит в восторг, когда над ним подшучивают, а порой прямо-таки тщеславен и ограничен, так что невозможно глядеть на этого человека, которого всё же искренне считаешь, без почти болезненного чувства. То, что здесь выше его, это не просто богатство и образование, а прежде всего подлинное превосходство людей, развившихся в полную силу» [13, с. 280]³².

Саломе совершенно справедливо оценивает ситуацию. Хотя Дрожжин «вернулся в деревню и способен искренне и глубоко ей радоваться, всё же внутренне расстался с деревней в той мере, в какой вознамерился сделать из себя поэта и даже мыслителя (стать исключением)» [13, с. 280]³³. Разумеется, что крестьянин, ставший поэтом и зарабатывающий на жизнь поэтическим трудом, перестал быть крестьянином. Однако Дрожжин хотел выглядеть крестьянином и поэтому проигрывал на фоне реальной крестьянки Марии Афанасьевны.

Но посмотрим на ситуацию глазами Дрожжина. Видимо, он был действительно тщеславен, однако ему было чем гордиться. В прямом смысле самоучка, он сумел обеспечить себя и свою семью литературным трудом, а читательский успех его стихов среди современников был исключительно велик. При его жизни его именем назвали библиотеку. Он общался с самыми известными литераторами. Ему дарили книги с дарственными надписями. И он простодушно тщеславился. Но

31. Ср.: «Dann brachte Droshin mich zum Gutsherrn seiner Gegend und dort fand ich so liebe sympathische Aufnahme, daß ich für den Rest der Tage aus der Hütte ins Schloß übersiedelte, wo ich alle Bequemlichkeiten des schönen Hauses und alle Freuden des reichen Parks dankbar genoss» [21, с. 9].

32. Ср.: «War es schon eine Ueberraschung, zum Schluß der Reise in Дрож.<жин>. Dorf so viel und so Reiches geschenkt zu erhalten, so erschien dieser Einblick in einen köstlichen Typus russischen Gutslebens als eine unerwartete Steigerung der ganzen Reise. Дрож.<жин> selbst verlor etwas dadurch. Es war ganz merkwürdig: im allerersten Anfang bei ihm, kam er uns als der Idealbauer und als machtvolle Persönlichkeit vor, die Dichtung und Wahrheit des Alltagslebens in sich vereint; dann, mit dem Hervortreten der Frau, wandelte sich das ein wenig in's Rührende und Unselbstständige um, aber noch that es nur seinen Poesien Abbruch: sie erschienen nicht mehr als Totalausdruck sondern als poetische Umfärbung des russ.[ischen] Bauern-daseins. Dieser leise Ton der poetischen Abweichung vom Wahren, der nur erst lieblich und fein spielend zwischenklang, wird bei der Berührung des Bauern-Poeten mit den feingebildeten, originellen, riesig in sich einheitlichen Tolstoi's fast schrill, unangenehm, fast lächerlich. Дрож.<жин> ist unsicher, läßt sich voll Entzücken necken, wird manchmal beinah eitel und albern. Und dabei kann man es an diesem Menschen, den man herzlich verehrt, nicht ertragen ohne geradezu ein Weh zu fühlen. Was da über ihn triumphirt, ist nicht Reichthum und Bildung allein, sondern vor allem die thatsächliche Ueberlegenheit von Menschen, die sich stark ausgewachsen haben» [20, с. 111].

33. Ср.: «...trotz seiner Rückkehr in's Dorf, trotz seiner aufrichtigen, tiefen Freudigkeit am Dorf, [verließ Дрож.<жин> das Dorf innerlich dennoch insofern <...>, als er sich zum Poeten und sogar zum Denker zu machen, (zu einer Ausnahme zu machen,) bestrebt war» [20, с. 111–112].

ведь можно сказать, что он гордился тем, как в его лице простой крестьянин стал знаменитостью. И эту социальную гордость переоценить невозможно.

В бытовых ситуациях Дрожжин проигрывал неоднократно. Вот его собственное свидетельство: «На другой день, едва только взошло солнышко, когда пастух в поле прогнал стадо и я еще спал, они уже встали и, напившись приготовленного женой парного молока, отправились босиком на прибрежное луговое поле и там всё утро бродили по росистой траве, находя это, как они мне объясняли потом, очень полезным для здоровья...

На третий день я решился встать раньше их, чтобы вместе с ними идти на прогулку; только, не веруя в целебность для себя босого хождения по росе, надел высокие сапоги» [8, с. 31]. Надел сапоги — эта деталь низводила образ Дрожжина в глазах немецких гостей с высокого пьедестала. Но на этот высокий пьедестал они поставили его сами. А если мы учтем, что полезное в молодом возрасте хождение босыми ногами по росе для людей зрелого возраста и старше может оказаться весьма опасным, то ничего снижающего в этих сапогах мы не увидим. А кроме того, сам Дрожжин на пьедестал не лез, поэтому несправедливо заставлять его отвечать за духовные искания европейской интеллигенции рубежа XIX–XX вв.

Саломе высказалась о русских людях афористично, каламбурно и элегантно: «...редкостное в них буднично, а будничное — редкостно» [13, с. 279]³⁴. Это вполне отвечало поэтике модернизма. Первую часть афоризма истолковать достаточно легко. То, что было редкостным в глазах цивилизованных немцев (сосуществовать с домашним скотом в хлеву, «, занимающем по крайней мере половину избы», и так далее), для русских крестьян было будничным. Но что значит вторая часть афоризма, перевертыш «будничное — редкостно»? В какой мере это красное словцо отвечало реальному положению дел? Честно сказать, мы не знаем, как и растолковать его. За первую часть афоризма Дрожжин полностью отвечал. Но он, разумеется, не был и не должен был быть в ответе за вторую часть.

Проницательная Саломе замечает и постоянные подшучивания Толстых над простодушным и малообразованным Дрожжиным, которые часто переходили меру приличия. Известно, что вследствие одной неуместной шутки Дрожжин с 1905 вплоть до 1917 г. прервал свои отношения с Толстыми (см.: [16, с. 213; 4, с. 78]). И эти подшучивания симпатии у нас не вызывают, хотя судьба семейства Толстых после 1917 г. ужасает.

Мы начали с определения своего критического отношения к историко-литературному (историко-культурному) подходу к проблеме Дрожжин — Рильке. Сейчас следует подчеркнуть, что, решая эту проблему, необходимо полностью отказаться от эстетических оценок, иначе невольно впадешь в те ошибочные толкования, которые уже прозвучали из уст вполне серьезных исследователей вопроса. В. Кривулин писал: «...несколько стихотворений, написанных Рильке по-русски, почти пародийно воссоздают предметный и идеологический антураж, присущий поэзии Дрожжина, этого принципиального „поэта от сохи“, чье место в истории литературы ныне определяется отнюдь не эстетическими достоинствами его текстов, но лишь тем, что ему посчастливилось переписываться со Львом Толстым и встречаться с Рильке» [10, с. 425]. К. М. Азадовский исходил из той же посылки, назвав Дрожжина поэтом, «несоизмеримым по своему значению с Тютчевым» [1, с. 301]. Я вовсе не намерен защищать эстетические достоинства стихов Дрожжина. Я просто указываю на то, что нападать на эстетическое несовершенство стихов Дрожжина можно только с позиций самой что ни на есть архаической эстетики. Разве эстетические представления всех веков и народов едины? Разве то, что нравится традиционным племенам Амазонии или Австралии, должно непременно нравиться и нам? Разве кто-то сейчас читает гомеровский эпос с тем искренним увлечением, с каким его читали хотя бы в XVIII или хотя бы в XIX в.?

Но это только половина ответа. Когда В. Кривулин называет Дрожжина «принципиальным „поэтом от сохи“», данные слова свидетельствуют о полном непонимании реальной жизненной ситуации этого поэта. Ведь Дрожжин не выбирал позицию «поэта от сохи», поскольку другой позиции у него не было. Но если он не выбирал саму эту позицию, то выбирал форму ее репрезентации, и

34. Ср.: «In Rußland's Menschen ist wahrlich das Seltene alltäglich und das Alltägliche selten» [20, с. 109].

его жизненный (или жизнетворческий) проект — создание образа поэта-крестьянина — удался ему настолько, что он стал самым популярным и почитаемым поэтом из народа среди современников. И то же самое мы скажем о соизмеримости или несоизмеримости Дрожжина с Тютчевым. Как и почему возник в этом сопоставлении Тютчев, а не Кольцов и не Суриков? И зачем возник Тютчев, а не Лермонтов и не Фет? Да и можно ли (и нужно ли) вообще так соизмерять? Почему-то никому не приходит в голову соизмерять таким образом Тютчева и Федора Глинку, Тютчева и Случевского, Тютчева и Пушкина (Александра). Как Тютчев один такой на всю русскую литературу, так же точно и Дрожжин — один такой, и другого нет и не будет никогда. Кстати сказать, можно равным образом удивляться (почему-то никто не удивляется), что Рильке из всех русских художников особенно увлекся Виктором Васнецов. С современной точки зрения и три богатыря, и сестрица Аленушка, и витязь на распутье — всё это псевдорусский китч. Но зато этот китч легко усваивался великодержавным шовинизмом и европейской тягой к экзотике.

Короче говоря, не важно, сопоставим или не сопоставим Дрожжин с тем или иным Тютчевым. Важно то, что в творчестве Рильке он сыграл огромную историко-культурную роль. Мы уже приводили совершенно справедливое мнение профессора Э. Шорэ о том, что стихи Дрожжина очень хороши для не русского читателя. Поэтому здесь только повторим: именно Дрожжин открыл для Рильке мир русского словесного творчества.

Итак, хотя изначальным мотивом посещения Низовки для Саломе и Рильке было знакомство со знаменитым русским поэтом Дрожжиным, но наиболее сильное впечатление на них произвел сам мир Низовки. До посещения Низовки Рильке представлял себе Дрожжина иначе, чем после знакомства с миром, который взрастил и сформировал его как крестьянского поэта и питал его народные песни. Но сама по себе Низовка без Дрожжина не стала бы предметом внимания и целью паломничества Рильке и Саломе.

Изначальный интерес Рильке к Дрожжину был связан с его представлениями о русском народе (в принципе, о каждом архаическом народе) как о творце. В статье «Русское искусство» (1900) Рильке писал, что русский Гомер «умер совсем недавно» [См.: 13, с. 608]. Россия, по Рильке, всё еще переживает золотой век детства, поэтому подлинными поэтами ее являются неграмотные певцы. И таким подлинным поэтом был Дрожжин, хотя Рильке не учитывал (в какой-то степени сознательно), что профессиональный характер творчества Дрожжина нарушал чистоту подлинности.

Интерес Рильке к «природному», «примитивному» человеку лежал в русле общих исканий модернистского искусства рубежа XIX–XX вв. Выбор именно России в качестве модели этого «природного», «примитивного» человека зависел во многом от влияния Андреас-Саломе. Но мессианская трактовка России принадлежала, видимо, самому Рильке, что и неудивительно для уроженца Праги, где так сильно проявил себя еврейский элемент и где собирались Славянские съезды (1848, 1867, 1868). Представление Рильке о богоизбранности, мессианизме России являлось оборотной стороной того мессианизма, который был свойствен самой русской культуре. Эти настроения были совершенно чужды Л. Толстому и Дрожжину, с которыми встречался Рильке. Таким образом, свой мессианизм Рильке заимствовал не у них. Но едва ли он знал о мессианизме А. С. Хомякова, Н. Я. Данилевского, Ф. М. Достоевского, Ф. И. Тютчева, В. С. Соловьева [17]. И весь вопрос в том, чтобы найти истоки мессианизма Рильке: «Россия была реальностью и вместе с тем глубокой повседневной уверенностью, что эта реальность — нечто далекое, бесконечно медленно приближающееся к тем, у кого есть терпение. <...> Люди, полные дали, неясности и надежности: люди созревающие. И надо всем этим — никогда не выявляющий себя до конца, вечно меняющий свой облик, нарастающий Бог» (письмо к Эллен Кей от 14 февраля 1904 г.) [13, с. 50]³⁵.

35. Ср.: «Russland war die Wirklichkeit und zugleich die tiefe, tägliche Einsicht, dass die Wirklichkeit etwas Fernes, unendlich langsam zu denen Kommendes ist, die Geduld haben. Russland, das Land, wo die Menschen einsame Menschen sind, jeder mit einer Welt in sich, jeder voll Dunkelheit wie ein Berg, jeder tief in seiner Demuth, ohne Furcht, sich zu erniedrigen, und deshalb fromm. Menschen voll Ferne, Ungewissheit und Hoffnung: Werdende. Und über allem ein nie festgestellter, ewig sich wandelnder, wachsender Gott» [24, с. 52].

Если не оттенить этот мессианизм полукомической встречей Рильке с Дрожжиным, то встреча Рильке с Россией станет выспренней и сусальной. Это особенно волнует сейчас, когда готовится большая выставка о Рильке в России. В ожидании этой выставки я и дописывал статью.

Библиография

1. Азадовский К. М. Страна-сказка: Райнер Мария Рильке в поисках «русской души» // К истории идей на Западе: «Русская идея». — СПб.: Изд-во Пушкинского Дома, Издательский дом «Петрополис», 2010. — С. 281—316.
2. Азадовский К. М. Рильке и Россия: Статьи и публикации. — М.: Новое литературное обозрение, 2011. — 432 с.
3. Андреас-Саломе Л. Прожитое и пережитое: Воспоминания о некоторых событиях моей жизни. Родинка: Воспоминания о России / Перевод с немецкого и предисловие Владимира Седелника. — М.: Прогресс-Традиция, 2002. — 448 с.
4. Бойников А. М. Поэзия Спиридона Дрожжина: Монография. — Тверь: Тверской гос. ун-т, 2005. — 228 с.
5. Герцен А. И. Собрание сочинений: В 30 т. — М.: Изд-во АН СССР, 1958. Т. 14. — 701 с.
6. Дрожжин С. Д. Жизнь поэта-крестьянина (1848—1914 гг.), описанная им самим, и избранные стихотворения. — М., 1915. — С. 98—103.
7. Дрожжин С. Д. Собрание сочинений: В 3 т. / Общая редакция М. В. Строганова. — Тверь: СФК-офис, 2015. Т. 3. — 432 с.
8. Дрожжин С. Д. Современный германский поэт Райнер Рильке (Из записок и воспоминаний) // Путь. 1913. № 12. — С. 30—35.
9. Иванов Г. В. Райнер Мария Рильке // Иванов Г. В., Калюжная Л. С. 100 великих писателей. — М.: Вече, 2005; <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-avstriya/ivanov-rajner-mariya-rilke.htm>.
10. Кривулин Виктор. [Рец.:] Rilke R. M. Die Russischen Reisen / Gedichte und Fotografien von Sabine Prilop und Ursula Braunbauer und Doris Lenz/ Köln, 1999 // Новое литературное обозрение. 1999. № 4 (38). — С. 424—426.
11. Лермонтов М. Ю. Собрание сочинений: В 4 т. — М.: Художественная литература, 1964. Т. 1. — 695 с.
12. Маяковский В. В. Полное собрание сочинений в 13 т. — М.: Художественная литература, 1958. Т. 8. — 328 с.
13. Рильке и Россия: Письма. Дневники. Воспоминания. Стихи / изд. подгот. К. Азадовский. — СПб.: Издательство Ивана Лимбаха, 2003. — 654 с. : ил., 1 л. портр.
14. Рильке Р. Письма в Россию. Публикация, вступительная статья, перевод и примечания К. Азадовского // Вопросы литературы. 1975. № 9. С. 214—242.
15. Рылеев К. Ф. Полное собрание стихотворений. — Л.: Советский писатель, 1971. — 480 с.
16. Толстой С. Н. Собрание сочинений: В 5 т. — М.: Международная программа образования, 1998. Т. 1. — 576 с.
17. Трубецкой Е. Н. Старый и новый национальный мессианизм // Русская мысль. 1912. № 3.
18. Andreas-Salomé Lou. Lebensrückblick: Grundriss einiger Lebenserinnerungen. Aus dem Nachlaß herausgegeben von Ernst Pfeiffer. Frankfurt a. — М., 1968. — 332 S.
19. Andreas-Salomé Lou. Leo Tolstoi, unser Zeitgenosse // Neue deutsche Rundschau. 1898. Heft 11. — S. 1145—1155.
20. Andreas-Salomé Lou. „Russland mit Rainer“: Tagebuch der Reise mit Rainer Maria Rilke im Jahre 1900. Hrsg. von Stéphane Michaud. — Marbach: Dt. Schillergesellschaft, 1999. — 158 S.
21. Brutzer Sophie. Rilkes russische Reisen. Königsberg: Univ., Diss., 1934. 113 S.
22. Das Inselschiff. 1929.10 Jg. № 3. — S. 225—233.
23. Rilke R. M. Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit, 1899 bis 1902 / Hrsg. von Ruth Sieber-Rilke und Carl Sieber. Leipzig: Insel-Verlag, 1931. — 431 S.
24. Rilke R. M. Briefwechsel: mit Briefen von und an Clara Rilke-Westhoff, Ellen Key / Hrsg. von Theodore Fiedler. — Frankfurt a. M.: Insel-Verlag, 1993. — 436 S.
25. Rilke R. M. Sämtliche Werke. Fünfter Band. — Frankfurt a. M.: Insel-Verlag, 1965. — 697 S.
26. Rilke R. M. Sämtliche Werke. Band VI. — Frankfurt a. M.: Insel-Verlag, 1966. — 1400 S.
27. Rilke R. M. Tagebücher aus der Frühzeit / Hrsg. von Ruth Sieber-Rilke. — Leipzig: Insel-Verlag, 1942. — 439 S.
28. Rilke und Russland: Briefe, Erinnerungen, Gedichte / Hrsg. K. M. Asadowski. 2 Aufl. — Berlin: Aufbau-Verlag, 1986. — S. 110.

References

1. Azadovskii K. M. Strana-skazka: Rainer Mariia Ril'ke v poiskakh «russkoi dushi» // K istorii idei na Zapade: «Russkaia idea». — SPb.: Izd-vo Pushkinskogo Doma, Izdatel'skii dom «Petropolis», 2010. — S. 281—316.
2. Azadovskii K. M. Ril'ke i Rossiia: Stat'i i publikatsii. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2011. — 432 s.
3. Andreas-Salome L. Prozhitoe i perezhitoe: Vospominaniia o nekotorykh sobytiakh moi zizni. Rodinka: Vospominaniia o Rossii / Perevod s nemetskogo i predislovie Vladimira Sedel'nika. — M.: Progress-Traditsiia, 2002. — 448 s.
4. Boinikov A. M. Poeziia Spiridona Drozhzhina: Monografiia. — Tver': Tverskoi gos. un-t, 2005. — 228 s.
5. Gertsen A. I. Sobranie sochinenii: V 30 t. — M.: Izd-vo AN SSSR, 1958. T. 14. — 701 s.
6. Drozhzhin S. D. Zhizn' poeta-krest'ianina (1848—1914 gg.), opisannaia im samim, i izbrannye stikhotvoreniia. — M., 1915. — S. 98—103.
7. Drozhzhin S. D. Sobranie sochinenii: V 3 t. / Obschaia redaktsiia M. V. Stroganova. — Tver': SFK-ofis, 2015. T. 3. — 432 s.
8. Drozhzhin S. D. Sovremennyi germanskii poet Rainer Ril'ke (Iz zapisok i vospominanii) // Put'. 1913. № 12. — S. 30—35.
9. Ivanov G. V. Rainer Mariia Ril'ke // Ivanov G. V., Kaliuzhnaia L. S. 100 velikikh pisatelei. — M.: Veche, 2005; <http://20v-euro-lit.niv.ru/20v-euro-lit/articles-avstriya/ivanov-rajner-mariya-rilke.htm>.
10. Krivulin Viktor. [Rets.:] Rilke R. M. Die Russischen Reisen / Gedichte und Fotografien von Sabine Prilop und Ursula Braunbauer und Doris Lenz/ Koln, 1999 // Novoe literaturnoe obozrenie. 1999. № 4 (38). — S. 424—426.
11. Lermontov M. Iu. Sobranie sochinenii: V 4 t. — M.: Khudozhestvennaia literatura, 1964. T. 1. — 695 s.
12. Maiakovskii V. V. Polnoe sobranie sochinenii v 13 t. — M.: Khudozhestvennaia literatura, 1958. T. 8. — 328 s.
13. Rilke i Rossiia: Pis'ma. Dnevnik. Vospominaniia. Stikhi / izd. podgot. K. Azadovskii. — SPb.: Izdatel'stvo Ivana Limbakha, 2003. — 654 s. : il., 1 l. portr.
14. Rilke R. Pis'ma v Rossiiu. Publikatsiia, vstupitel'naia stat'ia, perevod i primechaniia K. Azadovskogo // Voprosy literatury. 1975. № 9. S. 214—242.
15. Ryleev K. F. Polnoe sobranie stikhotvorenii. — L.: Sovetskii pisatel', 1971. — 480 s.
16. Tolstoi S. N. Sobranie sochinenii: V 5 t. — M.: Mezhdunarodnaia programma obrazovaniia, 1998. T. 1. — 576 s.
17. Trubetskoi E. N. Staryi i novyi natsional'nyi messianizm // Russkaia mysl'. 1912. № 3.
18. Andreas-Salomé Lou. Lebensrückblick: Grundriss einiger Lebenserinnerungen. Aus dem Nachlaß herausgegeben von Ernst Pfeiffer. Frankfurt a. — M., 1968. — 332 S.
19. Andreas-Salomé Lou. Leo Tolstoi, unser Zeitgenosse // Neue deutsche Rundschau. 1898. Heft 11. — S. 1145—1155.
20. Andreas-Salomé Lou. „Russland mit Rainer“: Tagebuch der Reise mit Rainer Maria Rilke im Jahre 1900. Hrsg. von Stéphane Michaud. — Marbach: Dt. Schillergesellschaft, 1999. — 158 S.
21. Brutzer Sophie. Rilkes rußische Reisen. Königsberg: Univ., Diss., 1934. 113 S.
22. Das Inselschiff. 1929.10 Jg. № 3. — S. 225—233.
23. Rilke R. M. Briefe und Tagebücher aus der Frühzeit, 1899 bis 1902 / Hrsg. von Ruth Sieber-Rilke und Carl Sieber. Leipzig: Insel-Verlag, 1931. — 431 S.
24. Rilke R. M. Briefwechsel: mit Briefen von und an Clara Rilke-Westhoff, Ellen Key / Hrsg. von Theodore Fiedler. — Frankfurt a. M.: Insel-Verlag, 1993. — 436 S.
25. Rilke R. M. Sämtliche Werke. Fünfter Band. — Frankfurt a. M.: Insel-Verlag, 1965. — 697 S.
26. Rilke R. M. Sämtliche Werke. Band VI. — Frankfurt a. M.: Insel-Verlag, 1966. — 1400 S.
27. Rilke R. M. Tagebücher aus der Frühzeit / Hrsg. von Ruth Sieber-Rilke. — Leipzig: Insel-Verlag, 1942. — 439 S.
28. Rilke und Russland: Briefe, Erinnerungen, Gedichte / Hrsg. K. M. Asadowski. 2 Aufl. — Berlin: Aufbau-Verlag, 1986. — S. 110.